

Другой скептической мѣрой
 Опредѣляетъ цѣну зла.
 И тотъ, и этотъ безъ ошибки
 Судить готовы обо всемъ —
 И кромѣ горестной улыбки
 Надъ ихъ мечтательнымъ умомъ
 Они все видятъ—и покойны...
 Такъ странникъ въ жаркій лѣтній день
 Встрѣчаетъ ключъ въ пустынѣ знойной
 И пальмы сладостную тѣнь.
 И кто узналъ, гдѣ нашъ Іуда?
 Когда обрушится, откуда
 Неизбѣжимая гроза?
 А для того имѣть не худо
 Свои, хоть слабые, глаза...

1835—1837.

ЛЮДОВИКЪ XVII.

I.

Въ то время небеса отверзлись голубя;
 Въ святой святыхъ огни, какъ лавы золотыя,
 Мгновенно разлились въ блистаньяхъ неземныхъ —
 И праведныхъ мужей божественные сонмы
 Узрѣли юный духъ, къ Предвѣчному несомый
 На крыльяхъ ангеловъ младыхъ.
 То былъ младенца ликъ, прекрасный, лучезарный,
 Бѣгущій навсегда земли неблагодарной,
 Подъ сѣнію кудрей, съ алмазною слезой;
 И съ гимномъ торжества фаланги дѣвъ избранныхъ
 Украсили вѣнкомъ изъ розъ благоуханныхъ
 Чело, объятое тоской.

II.

И голоса рекли изъ облака въ то время:
 «Блаженствуй, юный духъ! отъ царственного бремя
 Богъ крѣпости и силъ
 Тебя освободилъ!»
 — Но гдѣ я царствовалъ?—спросила тѣнь младая;—
 Я узникъ, я не царь! давно ли тѣнь ночная
 Съ темницей мрачной и сырой
 Меня внезапно разлучила?
 Скажи же, Богъ, Владыка мой,